

Валентина Эйкорн

Видимо-невидимо

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

Валентина Эйкорн  
**Видимо-невидимо**

«Автор»

2026

**Эйкорн В.**

Видимо-невидимо / В. Эйкорн — «Автор», 2026

Фонарь? Прожектор? Телескоп? А, может, лупа? Чем вооружиться, отправляясь в потёмки чьей-нибудь чужой души? Там очевидно же есть свет, иначе быть не может, почему же нам ни зги не видно? Обидно? Не то слово. А ведь это — только полбеда. Вторая половина заключается в том, что бывает так, что никакой зги не видать даже когда заглядываешь в собственную душу, особенно, если в глубину. Валя это, Агриппина Фёдоровна или Олег — у всех у них в анамнезе одна история, история человеческой души. Но рассказать её очень непросто. Душа никак не хочет укладываться в слова. Она вообще не хочет никуда укладываться, ни в слова, ни в рамки, даже в мысли, она всё время хочет двигаться, а движения души трудно уловить, особенно в потёмках, ещё трудней понять, что за танец она исполняет. Вместе с героями моего рассказа я стараюсь заглянуть к ним в душу, в самые потаённые её уголки, и мне кажется, что я им в этом помогаю, проливая на эти уголки свет. Так это, или мне так только кажется — решать читателю.

© Эйкорн В., 2026

© Автор, 2026

## Валентина Эйкорн

### Видимо-невидимо

*Всё нижеследующее вымышлено, а потому всякое совпадение имён и мыслей случайно, как и их несовпадение.*

#### Глава I

Всё утро Агриппина Фёдоровна сидела над душой. Поскольку никого рядом не было, над своей. От нечего делать она бросала свой взгляд на вещи, то те, то иные. Но как и куда бы она ни бросала его, он ни за что не цеплялся, и снова и снова она ловила его на себе. Тут, на себе, останавливать его ей не хотелось, и, устав бессмысленно кидать его по сторонам, она направила его вглубь сознания. Он часто там блуждал, уж всё, казалось бы, окинул и обвёл, но всякий раз, туда его бросая, она нет-нет да и надеялась найти что-нибудь свежее, животрепещущее в идеале. Или хотя бы бросить его как-то так, чтоб он упал пускай на старую, затасканную, возможно в отчаянии когда-то даже избитую мысль, но под другим, доселе невиданным углом зрения. Увы. Вот и теперь взгляд плашмя упал на кучку неоднократно пережёванных, при том, что изначально пресных рассуждений. Вокруг, насколько у взгляда хватало глаз, — паханные-перепаханные поля дурных фантазий, которыми хоть и беспочвенно, но как-то всё-таки зарос весь разум. Ничего более. Ни более, ни менее стоящего брошенного на всё это взгляда. Так, сиднем, Агриппина Фёдоровна просидела до полудня и потом прилегла. В таком, лежащем положении взгляд начал падать на потолок, по которому то ли действительно ползли два жучка, то ли сам взгляд сползал с обоих на обои.

Конечно, время шло, но медленно. Проходили и границы. Они шли между явью и сном, между реальностью и мыслью о ней, меж тем и этим. Забегая вперёд, оглядываясь назад, между ними, помимо границ, можно разглядеть ещё разницу. Но здесь и сейчас её было что-то не видеть. Поэтому сегодня, как и вчера, и в воскресенье, и в субботу, Агриппине Фёдоровне не оставалось ничего другого, кроме как окунуться с головой в омут процессов, протекающих в мозгу. И вот уж накренился пол, поднявши правый угол к окну, которое, преобразованное в дверь, сместилось тоже вправо, но вверх, ближе к потолку. Знакомое ощущение абсурда по своему обыкновению подступило к горлу в образе комка. Слегка подташнивало, но пока терпимо. Кто здесь? Кто там? Камо грядеши? А, главное, на кой? Ответы приходили, нечего сказать, но Агриппина Фёдоровна, наученная до рвотного рефлекса горьким опытом, уже прекрасно знала, что на самом деле это не они. Сейчас бы самое время спрятаться. Как жаль, что больше некуда. Раньше, помнится, у Агриппины Фёдоровны был укромный уголок, в который она могла уткнуться лбом. Но со временем мысли его нашли и заполонили. С тех самых пор только так, навзничь и всецело. За притворными ответами следовали надежды, которые с каждым своим приходом становились всё меньше, призрачней, обманчивей, а потому приносили с собой всё больше отчаяния, которое Агриппина Фёдоровна уже не знала, куда девать. При желании их можно было запросто пересчитать по пальцам. Только зачем? Да и желания у Агриппины Фёдоровны давно уже не было никакого. Враньё. Желания, конечно, были. Но с ними что-то произошло нехорошее, все они, как одно, стали недостижимы, и Агриппине Фёдоровне пришлось их в себе нещадно подавить. А с горизонта надвигалась ещё одна, предпоследняя волна, волна страхов и ужаса. С нею бороться было бесполезно, да и нечем. Волна она и есть волна. Она накрывает, а ты захлёбываешься, в какой-то момент думаешь, что всё, потонешь, но постепенно она с тебя спадает, оставляя в ужасе, но тихом. Только не расслабляться. Это затишье перед последней, самой лютой волной, перед невыносимостью факта существования, нестерпимостью бытия. Она не накрывала, она затапливала изнутри, заполняла каждую лазейку и застывала там, не давая пошевелиться. Экзистенциальная нестерпимость, которую

надо терпеть. Так, оксюмороном, можно попробовать описать это состояние, в котором в принципе невозможно находиться, потому что в нём места не находится себе. Не беспощадность и не безнадёжность, не бессмысленность бытия, а немыслимость и противоестественность существования как такового, когда парадоксальной становится сама возможность его терпеть. Но Агриппина Фёдоровна терпела, впадая в ступор от одной об этом мысли. Что позволяло ей? Конечно, время, а именно изменение чего-либо, то есть всего — ничто не вечно. Поэтому рано или поздно (всегда, само собой, позднее, чем хотелось бы) жуть немного отступала, оставляя на дне души ядовитый осадок, её, душу, отравляющую смесь из знания о том, что она обязательно вернётся, и подозрения, в равной степени иррационального, стойкого и неумолимого, что этакая нестерпимость есть единственно верный и честный взгляд на жизнь, сама жизнь и есть.

Время близилось к обеду, которого у Агриппины Фёдоровны не было отродясь. Зато оставались ещё какие-то иллюзии, которые надо было как-то питать. Ухватившись за мимоходом проходящую далекоидущую мысль, Агриппина Фёдоровна привстала и пошла на кухню, где её ждали иллюзии, когнитивные и перцептивные, эгоцентрические и ретроспективные, все милые сердцу. Если их не питать и они её покинут, будет совсем нехорошо. А с пропитанием проблемы как начались ещё в ноябре 15-го, так всё с тех пор усугублялись. Одна из иллюзий, повесив голову над столом, тихонько дышала на ладан. Совсем недолго, очевидно, оставалось ей. Лишь чудо могло бы её спасти, но на него у Агриппины Фёдоровны надежды не было, давно ушла.

Из-за входной, хоть и фанерной, двери донёсся шум, чьи-то быстрые шаги, бормотанье, и, за неимением глазка, Агриппина Фёдоровна прильнула к ней, вся превратившись в слух.

## Глава II

Отношения между людьми живут обособленно, в далёких, мифических краях туманов и болот, на самом тусклом из эфирных антиподов Земли. Да, это уже не Земля, но далеко ещё и не обитель светлых духов, это очередной глубокий сон, в котором все, точно как люди, пребывают в переходном и неопределённом состоянии, чего-то ожидая. Их студенистые моря и пустопорожние просторы не похожи ни на земные континенты, ни на звучащие опушки и садики Адониса страны Гиперборейской. В той смутной стороне не слышно мелодических отрывков нашего земного счастья, что играет своим пробудившимся подданным любвеобильный мусажет. Не он там правит, не увенчанный лавром непонятой любви Аполлон, а до поры на чреве ползающая червеобразная Психея. И вместо просветлённых душ там проживают сумрачные духи, которые, в отличие от первых, подвластны притяжению своих грехов и непрерывно возвращаются на землю (тогда как первые спускаются к нам очень редко, лишь по доброй воле, дабы спасти заблудших и подбодрить отстающих). Основной промысел жителей этой страны — не земледелие и не торговля, а деление и раздача, они делят человека на части и раздают их другим. От всякого человека людям достаётся какая-то часть, кому какая досталась, одним — сердце, другим — печень, третьим — слепая кишка, а кому-то одно междометие. Сам человек, заметьте, может вовсе ничего от себя не получить. И чем меньше отношения между людьми выдали человеку его собственных частей, тем более зависим он от других, от тех, кто что-то от него имеет. Рождаясь, он начинает искать по миру свои части, чтобы собрать их воедино и решить загадку сфинкса, найти простое, казалось бы даже целое, значение себя.

Есть подозрение, что этот сокровенный полноценный образ себя ли, бога ли, или идею их потенциальной совокупности мы носим где-то глубоко за пазухой души, словно размытый фотоснимок, невольно и отчаянно (именно так) пытаюсь обнаружить его фрагменты у прохожих, найти себя в других, других в себе, собраться, наконец, в заветное единство. Но, как это ни странно, по ходу решения уравнения человека ни разу не посещает элементарная мысль о том, что всё равно. Совершив множество действий, после которых ничего по-прежнему не сходится, он вычисляет что-то приблизительное и на том прекращает свой путь к Альмутасиму. Знак приближительности не случайно считается символом жизни у иерофантов страны отно-

шений, в которой испокон веков почитают воду. Почитают, вычитают, дробят и делят пальцами по глади.

Но для чего, зачем отношения всё делят и фасуют? Разве они не ждут, когда человек, наконец, сможет найти ответ, чтобы из них, из эклектичных отношений воссоединилось одно всепоглощающее чувство? Зачем же они сами нам мешают? Брезгливость? Страх? Отнюдь, хотя и не без оных. Но более вероятно, что они, как и мы, боятся единения, ведь толком ничего о нём не знают. В дроблёном мире они хоть кое-как, но существуют, и бог его знает, что будет там, во всеобъемлющем единстве, и будет ли оно. Здесь, в анатомии, у них есть свои постулаты, латинские названия, причины, верифицируемые следствия и закономерности, которыми им нравится играть. Например, отношения между людьми знают, что если дать кому-то сердце человека, то этот человек, найдя у другого своё сердце, сам же имея от него какой-то обрезок, всё равно не сможет не испытывать к нему хотя бы благодарность. Спасибо, друг, что нашёл моё сердце, но ты извини, вот, у меня от тебя только аппендикс. А ведь нельзя же не подметить, как удивительно преображается всякий из нас, когда находит своё сердце, пусть и в чужих руках, преображается от одной только мысли о том, что его сердце найдено и кто-то им любит, его лелеет.

Валя не знала, каким большим сердцем наделил её Господь, пока не встретила квартиро-съёмщика Олега. В тот день знакомства раз и, увы, навсегда он вызвал у неё произвольную и непреодолимую ассоциацию с тушёной морковью, будучи, как ей казалось, столь же влажным, рыхлым и муторным, если не тошнотворным. Ещё она подумала тогда: «Боже правый, какой же длинный у него язык». И тут же вспомнила червеобразный пупырчатый оковалок на эмалированном лотке в мясном отделе ... «Но что-то всё же есть в нём». Что-то было, но не в нём, а у него. У него было её сердце. Он не сразу его открыл, тянул, но временами, когда они подолгу сидели на лестничной площадке, или вместе гуляли по ступенькам, оно постукивало, случайно себя выдавало, и Валентина замечала эти моменты, не могла не заметить, а потому всегда находилась поблизости: «Что же он там прячет?». И вот однажды Олег пригласил Валию к себе в гости и там, под нервные звуки Весны Священной, показал ей своё сокровище — её сердце. «Ах, какое большое, какое прекрасное у меня сердце!» — простонала она и уже, было, протянула ручки, но увы! Её сердце принадлежало Олегу, и только он о нём знал, только он его видел. Но Олег не мог его никому отдать, даже Вале, даже если бы сам очень захотел, даже если бы вдруг ему стало невыносимо его иметь и он продал бы душу первому встречному, только бы избавиться от этого сердца, выкинуть его прочь в мусоропровод. Что касается Вали, то она могла видеть и даже иногда щупать своё сердце только из пухленьких, испещрённых рыжими волосками рук Олега.

У Вали тоже было сердце, не такое большое и горячее, но сердце видного, всеми уважаемого жильца, почётного члена правления дома Льва Сергеевича Питульки. От Олега же ей достался язык, длинный, шершавый, очень подвижный и влажный. Она не хотела жить с этим языком, но не могла до поры забыть своего сердца, такого чистого, такого мягкого. Осталось заметить, что от Льва Сергеевича Олегу достался желчный пузырь, тогда как самому Питульке вручили лоб Олега, действительно, надо признать, несколько узковатый. Что же имел Питулька от Вали? Валя многое бы отдала, чтобы это узнать, но Питулька был человеком скрытным, многое сдерживал и о многом умалчивал. Наверняка можно было сказать только одно — не сердце, доставшееся по нелепой случайности (по случайности ли?) Олегу.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.